

С. З. ГОНЧАРОВ

А. А. ЕВТЮГИНА

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
г. Екатеринбург

Общение в креативном антропологическом измерении

Термин *коммуникация* в гуманитарном дискурсе весьма неоднозначен, поскольку вызывает ассоциации с разными видами коммуникации – универсальной, технической, биологической и социальной – и отвлекает от «человекоемкого» понятия «общение».

Общественная природа человека интенсивно раскрывается в актах взаимодействия, общественных отношениях. Именно общение принуждает психику к *обобщению*, к усвоению общих, социально важных значений, без которых взаимопонимание невозможно. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Разнообразие и широта диапазона общения определяют смысловую емкость и горизонт сознания личности. Общественные отношения резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи *родовым* существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает *род* вещей, их *закон и сущность*, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии.

Общение есть разновидность социального обмена. Но, в отличие от товарообмена, в общении осуществляется *обмен* содержаниями человеческой *живой субъективности*: происходит *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, осознание родовой природы человека, развернутой в бесконечном вариативном многообразии; приходит по-

нимание того, что ни одна личность не может исчерпать собой полноты всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в *иной* грани, в новом измерении. Способности и опыт других людей превращаются в *дополнительные духовные органы* личности. «Чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим *собственным* достоянием» [3, с. 121]. Он поясняет: «[У человека] кроме < > непосредственных органов образуются *общественные органы* в *форме* общества. < > Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни» [Там же].

Общение креативно и антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать перспективу личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рамках буржуазной ментальности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках могут казаться «умением жить».

Разрабатывая креативную антропологию в своих рукописях, К. Маркс раскрывает социальную связь не в ее овещенной, а в ее «человеческой» форме. Предположим, пишет он, что мы производили бы как люди. Каждый из нас двояким образом утверждал бы и самого себя, и другого: «1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому

находящаяся вне всяких сомнений сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моём индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы* и *осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую*, мою *общественную сущность*. Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность» [2, с. 35–36]. «С твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны» [Там же]. В подобных суждениях Маркса его критики усматривали остатки фейербахианства, тогда как такие суждения выражали суть антропологии Маркса, его представлений об общении в грядущем постбуржуазном обществе.

При таком предположении производство выступает не как производство товаров, а как *креативный антропогенный* процесс производства жизни и обновления творческих сил субъектов. Изменяется и качество *отношений* между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы и предстают в прозрачном виде как *непосредственные общественные отношения*, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно *дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность*; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но и (в первую очередь!) в своеобразии личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого индивида для ус-

воения жизни. Так созидаются естественная человеческая связь и *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого как общественного существа*.

В естественной общности людей мерилами являются сами человеческие качества, это – *имманентные человеку* меры. К. Маркс продолжает диалог с воображаемым собеседником, акцентируя естественность таких мер: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей» [3, с. 150–151].

Иное дело социальная связь в ее *вещной* форме. Деньги обмениваются на весь мир человеческий и природный. «Кто может купить храбрость, – писал К. Маркс, – тот храбр, хотя бы он и был трусом». Мощь денег связана не с индивидуальностью человека, а с их общественной мощью. «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец». Деньги превращают «верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, а порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость» [3, с. 148–150]. Деньги смешивают все и обменивают все вещи, они «всеобщий сводник людей и народов». Извращение и смешение, братание невозможностей – эта сила денег кроется в отчуждающейся сущности человека. Деньги – «отчужденная *мощь человечества*» [Там же].

Таким образом, в изображении Маркса производство и общение представляют собой родовой (культурно-исторический) процесс самообновления индивидуальности каждого; содержанием процесса является *все-*

общее содержание (родовая, культурная субъективность), функционирующее в своеобразных *индивидуальных* преломлениях индивидов. Каждый выступает в производстве и общении как рефлектированное в себя родовое существо (оединиченная всеобщность), как идеальная тотальность субъективных сил и человеческих отношений. Идеальный, представленный аспект бытия индивидов есть *существенное* измерение социальной связи: в идеальном представлены смысл и цель производства и общения, потребность в человеческом содержании жизни, признание других как равноценных по сущности и различных по существованию, стремление осуществить себя достойным образом в сознании других и объективировать свои способности для других как личный *дар*.

Индивидуальная и родовая жизнь, отмечал К. Маркс, не является чем-то различным: «Способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо более *всеобщей* индивидуальной жизнью. Как *родовое сознание* человек утверждает свою реальную *общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо» [3, с. 119].

Идеально выраженная *всеобщность сознания* и *реальная общественность* человека суть *одно и то же содержание*, но в разных измерениях – идеальном и реально-бытийственном. Если человек есть «*индивидуальное общественное существо*, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества» [Там же].

Человеческая форма социальной связи, столь впечатляюще изложенная К. Марксом, всегда существовала в истории, в большей или меньшей степени, – в дружбе, товариществе, в добровольных сообществах едино-

мышленников в области науки, искусства, религии, в духовной солидарности народа. Человеческая связь образует содержание культуры как ступени истории.

Диалектика соревнования в межсубъектных отношениях. Присущее самодеятельности выходение за пределы уже достигнутого к новым смыслам и возможностям интенсивно выражается в отношениях между субъектами – в соревновании.

Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании *нет и статуса. Быть социально – значит быть признанным.* Здесь-то и возникает сущностное противоречие: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми. Иначе будут девальвированы само первенство, сама «признанность за достойное». Отсюда и возникает соревнование (по поводу признания), в котором сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов. Соревнование проходит через толщу тысячелетий и составляет атрибут всякой социальности во все времена.

Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов.* «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность» [1, с. 337].

Соревнование – неотъемлемый элемент общения, потому что люди – существа общественные. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле *сравнивают себя по своим способностям и умениям.* Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие качества.* Это – *имманентная, внутренняя для человека*

мера, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*.

Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание своей социальной значимости*. Соревнование, отмечает С. Л. Березин, – «противоречивая форма развертывания фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которой состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил» [4, с. 78].

Соревнование *противоречиво*. Оно лучшим образом обнажает ту *диалектику*, которую Гегель изобразил столь величественно в своих творениях. В соревновании каждый идеально полагает себя *равным* другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него ввиду заранее известного исхода: «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*.

Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим с собой, служит импульсом к саморазвитию.

Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы *не травмировать достоинство* личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к *интенсивной самореализации* способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и внепрофессиональные, экономические и политические. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. По такой же причине вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными». Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием.

Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Поэзия состязательности всегда представлена на Олимпийских играх. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 году выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Почему со слезами радости и восторга победители-олимпийцы получали золотые медали, тогда как пуск новой электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций?

Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди, и высшее чувство, доступное человеку, есть переживание своего собственного признания за преодоление терний, принесших победу. Уместно такое сравнение. Товар рождается в производстве лишь как продукт, лишь как *возможный* товар. Он обретает статус действительного товара, когда его покупают, т. е. признают за ним способность удовлетворять те или иные потребности. Так и с человеком. Мы делаем самих себя, развиваем свои умения, в том числе и коммуникативные. Но как действительные личности (лики общественности) мы выступаем тогда, когда наши умения признаны другими. Во всех сферах деятельности существуют различные критерии признания, будь то спорт, образование в школе или вузе, поэзия, наука, музыка, политика и т. п.

Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность *соотносит себя с самой* через

состязательность субъектов. Такой накал боя есть образ «вечной диалектики». Самоизмерение социальности ныне стало настолько осознанным, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердились рейтинги.

Итак, общение есть форма социального обмена между людьми содержанием их субъективности. Чем разнообразнее виды и чем шире диапазон общения, тем в большей мере разнообразится и обобщается содержание субъективности человека, его чувств, эмоций, мыслей и идей, тем пластичнее становятся душевно-духовные акты индивидуальности.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал : т. 1 // *Маркс К. Сочинения* : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – Москва : Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 23. – 1962. – С. 337.
2. *Маркс К.* Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс // *Маркс К. Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 42. – Москва, 1974. – С. 35–36.
3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // *Маркс К. Сочинения* : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – Москва : Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 42. – 1974. – С. 41–174.
4. *Социалистическое соревнование и развитие личности* / Г. Г. Акмамбетов, С. Л. Березин и др.; отв. ред. А. С. Курманбаев. – Алма-Ата : Наука, 1983. – 191 с.